

Э. Н. Меркулова
Нижний Новгород, Россия

«АЙ СПИК ФРОМ МАЙ ХАРТ», ИЛИ А БЫЛ ЛИ RUNGLISH?

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается возможность постулировать наличие такого явления, как «русский английский», под которым понимается результат взаимодействия глобального английского с русским языком. С одной стороны, это влияние рассматривается как массированное воздействие английского языка на русский, проявляющееся в появлении большого количества английской дублетной ксенолексики в речи носителей русского языка, а также в отдельных изменениях, затрагивающих морфологическую и синтаксическую системы русского языка, с другой — происходит интерференция русского языка и изучаемого английского, в результате которой возникает культурно-специфичный вариант глобального английского, приобретенный носителями русского языка в искусственных условиях педагогического дискурса. В статье анализируется смысловое наполнение неологизма «RunGLISH» и рассматривается возможность его включения в понятийный аппарат лингвистики и лингводидактики.

Правомерность размещения «русского английского» в ряду других вариантов английского языка (World Englishes) доказывается посредством сравнения RunGLISH с такими признанными в академических кругах вариантами английского языка, как Singlish и Hinglish. Выявляются отличительные признаки, не позволяющие выделить RunGLISH в качестве нового варианта английского языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: рунглиш; ксенолект; русский идиом английского языка; глобальный английский; диалект.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Меркулова Эдита Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород); адрес: 603155, Н. Новгород, Б. Печерская, 25/12; e-mail: edmerk@inbox.ru; emerkulova@hse.ru.

Очередное интервью министра спорта России на английском (?) языке, связанное с обсуждением коррупционного скандала в Международной федерации футбола (ФИФА), несколько дней оставалось в центре дискуссий во Всемирной сети и послужило поводом для создания ряда остроумных креативов. Одновременно с этим само интервью и последующая дискуссия заставили задуматься как минимум над двумя вопросами. Один из них вновь отсылает нас к статусу английского языка в глобальном медийном пространстве и, шире, в глобализированном мире. Второй связан с рядом номинаций, не имеющих пока лингвистического статуса, такими как «русланг», «рунглиш», «рунглийский» и прочие именованья русского языка, подверженного влиянию английского, или плохого английского языка в «исполнении» носителей русского языка.

Ситуация, в которой оказался российский министр, сама по себе не нова. Европейская общественность (как выяснилось, наша тоже) ожидает от европейских чиновников высокого ранга хорошего уровня владения английским языком. В литературе описаны подобные неудобные для чиновников случаи. Например, в похожую ситуацию попадали в свое время министр иностранных дел Германии Гвидо Вестервилле и еврокомиссар Гюнтер Оттингер. Первый не понял адресованный ему на пресс-конференции вопрос, содержащий идиоматическое выражение, и отказался отвечать: «What will Germany look like with you at the helm?». Второго критиковали за его ярко выраженный немецко-швабский акцент и дословный перевод с родного языка, например: «In my homeland Baden-Wuerttemberg we are all sitting in one boat» [Цит. по: Fiedler 2011: 87] (ср. «Ай спик фром май харт»). В деловом английском языке имеется идиома «to be in the same boat», схожая по смыслу. Использование неправильной коллокации, связанной с заменой одного слова в устойчивом выражении, привело к буквальному переводу с созданием последующего комического эффекта, что явно не входило в коммуникативный замысел выступающего.

Несмотря на достаточно популярную в настоящее время точку зрения, согласно которой «A language belongs to whoever uses it, and it is not the sole property of its native speakers» [Sridhar 1980: 293] («Язык принадлежит тем, кто пользуется им, а не является исключительной собственностью носителя языка»), приведенные примеры, вызвавшие широкий общественный резонанс, подтверждают, что «the wider public is not ready to accept non-native speaker-like norms of English» [Цит. по: Fiedler: 87] («...широкая публика не готова принять нормы не носителей языка»).

Также очевидно, что столь массовая негативная реакция интернет-сообщества обусловлена типом дискурса и такой его характеристикой, как институциональность. Выступая в качестве участника политической коммуникации, «которая посвящена политическим проблемам или в которой политические субъекты выступают в качестве автора политического текста или его адресата» [Чудинов 2012: 53], говорящий «выступает как представитель определенного социального института и носитель определенного социального статуса. Это предопределяет соблюдение установленных статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных норм» [Там же: 56]. В этой связи следует отметить, что негодование по поводу плохого знания английского языка и сопровождающее его порицание последовали не со стороны иностранных журналистов, непосредственных участников этой коммуникативной ситуации, а прежде всего со стороны соотечественников. Высказывания министра не соответствовали статусно-ролевым ожиданиям многих россиян, для которых важно, чтобы чиновник высокого ранга достойно представлял страну в подобных публичных ситуациях, позиционировал себя как профессионал высокого уровня, одной из составляющих профессиональной компетенции которого является, по их мнению, хорошее знание языка межнационального общения. В комментариях довольно часто в качестве характеристики результата речевого творчества использовалось слово RunGLISH.

Основной вопрос статьи связан с определением содержательного наполнения понятия Runglish/рунглийский в сравнении с другими, например Hinglish, Singlish, получившими статус лингвистических терминов в качестве обозначений диалектов английского языка, а также с возможностью использовать Runglish в качестве параллельного термина к существующим терминам «ксенолект» и «русский идиом английского языка».

Неологизм Runglish/рунглийский был зарегистрирован американским словарем «Merriam-Webster Open Dictionary» в 2009 г. В качестве определения и примеров, иллюстрирующих эту лексическую единицу, приводятся следующие: «Runglish — a combination of Russian and English as in: “What kind of sok do you want: apelsinovy or apple?” or “Were the hell is my zont?”».

В статье, посвященной распространению англоязычных заимствований в русском языке, опубликованной в британской газете «Daily Telegraph», Runglish определяется как «жаргон „культурного“ поколения молодых россиян, пропитанный англицизмами». Они шлют своим «френдам» приглашения на «дринк» в «паб» при помощи СМС или Интернета [Цит. по: Шенаева 2013: 53]. В первом случае речь идет об английском языке с русскими вкраплениями, а во втором — о русском языке, в который включены отдельные английские слова.

В настоящий момент существует большое количество наименований для национальных языков, подвергающихся массивному воздействию английского языка. В качестве примера можно привести Denglish, Frangle (Franglais), Ingrish, Manglish, Hinglish, Singlish и т. п. Это достаточно продуктивная словообразовательная модель, по которой можно образовывать новые названия для языков, на чьи системы оказывает воздействие английский язык. Однако приведенные примеры наглядно показывают, что эти термины обозначают существенно отличающиеся проявления влияния английского языка на национальные: и степень, и механизм воздействия существенно отличаются друг от друга. Начнем с того, что здесь в одном ряду присутствуют варианты, наделенные разным социолингвистическим статусом: Singlish, Manglish и Hinglish — это названия диалектов, которые имеют устоявшийся лингвистический статус. По известной классификации Баджа Качру они относятся к внешнему кругу (во внутренний круг входят страны, где английский язык является родным), и, хотя они и не являются родными языками для большинства населения и сфера их употребления, как правило, ограничена официальной, эти языки/варианты имеют оформленные нормы: «...their own local histories, literary traditions, pragmatic contexts, and communicative norms» [Kachru 1992: 359] («...свою собственную историю, литературные традиции, прагматические контексты и коммуникативные нормы»).

«Denglish» — это шутивно-ироничное название немецкого языка, на который оказывает массивное воздействие английский. Ситуация с разнообразными другими «nglishes» тоже не является тождественной для разных европейских

языков. Степень и механизмы проникновения англоамериканизмов в разные языки определяются способом контакта с английским языком, продолжительностью и интенсивностью взаимодействия, языковой политикой государства и, наконец, настроениями и отношением общества к иноязычному влиянию на родной язык. Что касается феномена, который определяется как Runglish, то он, безусловно, не сводится к явлению, которое иллюстрируется примером «Were the hell is my zont?», и не является простой заменой отдельных бытовых слов в русском предложении английскими (или наоборот).

Подобные цитированным выше языковые проявления, также представленные и грамматикализацией английских слов в русском предложении, на протяжении уже нескольких десятилетий известны как Odessa-American-Russian. Этот особый гибридный язык сформировался и продолжает существовать в условиях достаточно замкнутого сообщества эмигрантов из бывшего СССР, которые не имели формального языкового образования, в основном общались и вели дела со своими соотечественниками, читали советскую, позже российскую прессу, слушали и смотрели местные русскоязычные, а также российские каналы. В результате тесного взаимодействия языков родились такие и им подобные речевые образцы: «В Торонто рентуешь кар, что-нибудь смол... выедешь на хайвей, там тейкаешь шестой экзит, проедешь ровно две майлз, на шулдере увидишь голубой „Шевролет“. На крыше антенна, на бэк гласс блайндс, плейт замазан грязью. Фолуй этот „Шевролет“, не едь клоуз, но из виду не выпускай. Зетс ит!» [См.: Teeter 2013]. Приведенный пример содержит как слова, называющиеся специфично американские реалии, так и слова, которые имеют русские эквиваленты. Желание эмигрантов пользоваться отдельными английскими словами отмечается владельцем продуктового магазина на Брайтон-Бич, который, например, просьбу «наслаяться полпаунда чиза» в различных источниках объясняется тем, что английский язык более экономичный, поскольку английские слова короче русских. Также отмечается, что подобный способ общения характеризует старшее поколение, а более молодые люди могут пользоваться этим вариантом при общении со своими старшими родственниками. Действительно, представители второго поколения эмигрантов, получающие образование в новой стране, как правило, владеют языком на таком уровне, что ничего в их речи уже не выдает их происхождения [См.: Feuer 2005].

Ниже приводится выдержка из ироничного эссе, посвященного Runglish, демонстрирующая, какое впечатление гибридный русско-английский производит на носителей английского языка: «Рунглиш — это язык „вольного стиля“, не имеющий никаких структур, форматов или правил его базовых языков. Изъясняющихся на рунглише зачастую не понимают даже его самые красноречивые носители. Очень немногие, кроме представителей народов, породивших рунглиш, могут понять его сложную простоту и овладеть рунглишем в достаточной мере, чтобы вписаться в их общество... Только словами английского языка

невозможно описать его красоту». — «Runglish is a “free style” language, not having any of the structures, formats, or rules of its base languages, and those who speak it often can't even be understood by the most eloquent Runglish speakers. Very few outside of the descendants of the original tribes that the language originated from can ever grasp its complex simplicity to be able to speak it fluently enough to fit into their society....English words alone cannot describe its beauty» [On Runglish]. Сравните с другой точкой зрения, когда не говорящие по-русски иностранцы утверждают, что они могут следить за ходом беседы, понимая в общих чертах, о чем идет речь, за счет включения их собеседниками в речь англоязычных вкраплений. Особенно такая ситуация характерна для профессиональных дискурсов.

Хотя «русский английский», существующий в эмигрантской среде, с полным основанием может называться Runglish, в настоящей статье мы не рассматриваем это явление, поскольку русский язык за рубежом — это отдельно существующая форма языка, развивающаяся в специфических для каждого отдельного случая условиях, которая должна изучаться в рамках собственного контекста.

Применительно к русскому языку в России термин «рунглишский», или Runglish, используется в двух значениях. В первом значении под Runglish понимаем вкрапление отдельных англицизмов в ткань русского текста, часто сопровождающееся их частичной ассимиляцией, или же различные изменения в морфологической и синтаксической системах русского языка, которые, как считается, связаны с воздействием английского языка на русский. Во втором значении Runglish — культурно-специфичный вариант глобального английского.

При обращении к первому значению слова «Runglish» сложно найти различия между вариантами словотворчества, произносимыми жителем Брайтон-Бич, с его просьбой «наслаивать чизу», и речью одного из руководителей престижного московского высшего учебного заведения, который, выступая перед трудовым коллективом и говоря о трех ипостасях современного преподавателя (собственно преподавательской, научно-исследовательской и административной), заявил о том, что «неплохо, если при этом человек еще и „сидит в разных бордах“», имея в виду членство во всякого рода комитетах, издательских советах и редакционных коллегиях.

Явление, связанное с включением в русскую речь англоязычных варваризмов, принявшее в настоящий момент достаточно массовый характер и характеризующее речь большого количества россиян, независимо от уровня образованности и степени владения английским языком, уже привлекало наше внимание в бытность работы в Нижегородском лингвистическом университете. Тогда, пятнадцать лет назад, была предпринята попытка проанализировать это явление в дипломной работе, написанной студенткой пятого курса И. П. Исаевой под руководством автора настоящей статьи. В дипломной работе «Английские заимствования в речи студентов и преподавателей факультета английского языка НГЛУ», в

частности, было отмечено, что как студенты, так и преподаватели указанного вуза интенсивно используют англоязычные калькированные слова и выражения. На основе собранного языкового материала была создана классификация заимствований в зависимости от степени ассимиляции и осуществляемых ими функций и высказывалось мнение о существовании субъязыка для выделенного языкового профессионального сообщества.

Тогда мы выразили тревогу в связи с нашестием немотивированных английских заимствований в масштабах, превышающих допустимый уровень. Одновременно с этим оправдывалось обильное употребление заимствований в профессиональной сфере (лекции, семинары по лингвистическим дисциплинам), где заимствования нейтрального характера были только частью репертуара языковых и паралингвистических средств, которые способствовали соблюдению таких характеристик академического дискурса, как системность, терминологичность и академичность.

В целом ситуация в НГЛУ характеризовалась как учебно-игровой билингвизм и, очевидно, не соответствовала определению собственно билингвизма. Наблюдаемые явления были результатом долгого и специфического процесса формирования корпоративной культуры в Горьковском институте иностранных языков (позднее НГЛУ), который на протяжении большей части своей истории находился в закрытом городе, где для большинства его выпускников не имелось возможности участвовать в реальном общении на английском языке, где ситуация общения всегда была условно-игровой. Для данного микросоциума использование английских заимствований было и средством самоидентификации и отмежевания от не говорящих на английском языке людей.

Эти выводы были позже подтверждены эмпирически. Перейдя на другое место работы, автор не отмечал подобные описанным ранее явления в речи своих коллег (несмотря на то что абсолютное их большинство являлись выпускниками указанного вуза). Более того, и у автора данной статьи существенно снизилась частота употребления калькированных слов и выражений как в разговоре со студентами, так и при общении с коллегами. Это наблюдение подтверждает вывод Донны Наполи о том, как формируются языковые предпочтения и модные языковые тенденции: устойчивые языковые привычки оказывают влияние на тех людей, которые присоединяются к существующему языковому сообществу, в то время как «the language of isolated individuals does not have effects on language communities» [Napoli 2010: 129] («...язык отдельных индивидуумов не оказывает влияние на языковые сообщества»). Другими словами, на качество и определенные количественные характеристики того или иного языкового варианта оказывает влияние количество говорящих на нем людей.

Последнее замечание справедливо не только для вариантов одного языка, но, как оказалось, даже для родных для коммуникантов языков. Они подвергаются модификации, если говорящие оказываются в окружении не носителей языка. Ан-

лофоны при продолжительном контакте с теми, кто говорит на том или ином варианте неродного для них английского языка, в той или иной степени адаптируют собственный язык. Так, дипломаты и служащие, работающие в различных органах Евросоюза в Брюсселе, отмечают, что их собственный английский “is being pulled in the direction of these foreign-language patterns” [Cristal 2003: 182] («...растаскивается в направлении этих иностранных языковых моделей»). Ими отмечаются такие явления, как изменение ритмических образцов, упрощение грамматических конструкций, отказ от идиоматических конструкций через их замену неидиоматическими эквивалентами, отказ от разговорных выражений, более замедленный темп речи, более четкое произношение и пр. Об этом же явлении пишет носитель американского варианта английского языка Полли Баркс, прожившая в России 5 лет. На своем сайте в статье “Being an Expat: Speaking Runglish” [Being an Expat] Полли Баркс отмечает факт ухудшения собственного английского под воздействием того, что она называет Runglish, также Standard Russian English. По ее наблюдениям, изменения касаются лексической, фонетической и грамматической сфер. В лексической сфере, в частности, отмечается факт влияния британского английского, поскольку большинство из ее собеседников изучали именно этот вариант, а также появление отдельных лексических единиц, которых нет ни в британском, ни в американском вариантах английского языка и функционирование которых связано с интерференцией родного языка. Таким образом в лексикон автора статьи вошли слова «flat» вместо «apartment», «university» вместо «college» и «gas water» вместо «carbonated» или «sparkling water», а также «toilet» для обозначения помещения, а не санитарно-технического приспособления. В фонетической сфере П. Баркс наблюдает «русификацию» отдельных гласных звуков родного языка, а в сфере грамматики — избыточное для американского варианта английского языка употребление времени Present Perfect там, где следовало бы ожидать Past Simple. Последнее также связано с тем, что подавляющее большинство россиян ранее изучало британский вариант английского языка в качестве иностранного.

Это, конечно, может показаться странным преподавателю английского языка с большим стажем работы, понимающему, как далеко не только от совершенного, но даже от просто хорошего владения языком находится абсолютное большинство населения России. Однако, если судить по характеру заимствований (очень часто заимствуется дублетная ксенолексика) и механизму процесса заимствований, то ситуация в современной России по многим параметрам напоминает ситуацию билингвизма.

Остановимся подробнее на английской дублетной ксенолексике в речи носителей русского языка, поскольку в настоящий момент она является одной из ярких примет времени и часто получает негативное название «Runglish».

Дублетная ксенолексика — это особого вида заимствования, варваризмы и англоязычные вкрапления, имеющие исконно русские или заимствованные ранее дублеты. Характерной особен-

ностью дублетной ксенолексики является социальная детерминированность ее употребления: ксенолексика, как правило, регулярно встречается только в речи определенных групп образованных носителей литературного русского языка. Эти лексические единицы не осуществляют присущую большинству заимствований функцию заполнения «в культурноязыковом слое принимающего этноса номинационных лагун» [Щитова 2012: 280]. Следовательно, они избыточны по своей природе, и им не должно быть места в принимающем языке.

Для иллюстрации сказанного приведем несколько примеров. В своем интервью на радиостанции «Эхо Москвы» главный редактор «Независимой газеты» К. Ремчуков довольно часто прибегает к использованию дублетной ксенолексии. Например, рассказывая о том, как обсуждалась с председателем правительства А. Медведевым возможность публикации его статьи в газете, К. Ремчуков говорит: «...сказал он очень скромно, как сейчас говорят, “**humbly**”, по-английски...».

В другом интервью К. Ремчуков комментирует высказывание секретаря Общественной палаты РФ А. Бренчалова о наращивании инвестиций в реальный сектор экономики за счет сокращения расходов на исследования и консалтинг: «...вот в этом айфоне что реальный сектор, это по Бренчалову получается, сборка в Китае. А без “**research**” разве можно создать айфон и его совершенствовать?» Следующий пример прозвучал в утренней программе на радиостанции «Серебряный дождь». Ее ведущий Юрий Пронько предлагает радиослушателям звонить ему и сообщать им номер телефона, добавив, что «**префикс Москвы** — 495». Традиционное словосочетание «код Москвы» заменено на «префикс», который зафиксирован во всех словарях как лингвистический термин для обозначения морфемы, стоящей перед корнем. В высказывании актуализируется новое значение слова, которое используется в подязыках информатики и радиосвязи для обозначения набора символов в начале какого-нибудь ряда и которое еще не зафиксировано даже в специальных словарях.

Подобная «массовая колонизация» языкового сознания русскоязычных коммуникантов была вначале отмечена в профессиональной сфере [Власенко 2007: 81]. В научной литературе описывалось как просто положительное отношение специалистов к заимствованиям в их профессиональной сфере, связанное со стремлением унифицировать термины, экономить усилия или именовать лагунарные для русского языка понятия [Балакина, Висилицкая 2014: 29—34], так и желание «„конвертировать“ не только свои дипломы и иные свидетельства о получении профессионального образования, но и мысли и манеру именовать события, явления и т. п. в век глобализации» [Власенко 2007: 87]. В настоящий момент выявленная тенденция вышла далеко за пределы профессиональной коммуникации (хотя она и может играть определенную роль в формировании языковых пристрастий) и связана в основном с тем, каким образом языковая личность себя идентифицирует. Выделился особый тип гло-

бальной идентичности — метроэтничность, характерная для «жителя крупного города, ориентированного лишь на „индивидуальный жизненный проект“ с гедонистическим уклоном и не отягощенного национальной идентичностью» [Кирилина 2013: 141]. Этим людей формировала сходная речевая среда, оказавшая большое влияние на становление их языковых и речевых навыков, вкуса и манеры общения [Сиротина 2011: 167—168].

При этом круг участников коммуникации в подобном коммуникативном ключе довольно ограничен. Носители метроэтничности являются жителями больших городов. Это тот случай, когда «наступление английского языка захлебнулось на подступах к российской глубинке» [Макаров 2013: 151]. Однако последнее замечание не исключает, что подобный стиль общения может иметь своих сторонников и в российской провинции.

Определяя речь, насыщенную дублетной ксенолексикой, как «рунглийский» или «Runglish», носители русского языка выражают свое негативное отношение к тому, что говорящий не стремится сделать коммуникативное усилие по адекватному переводу английских слов и, будучи, как правило, образованным и грамотным носителем русского языка, сознательно игнорирует языковую норму. Не говоря уже о том, что, включая в свою речь иноязычный элемент, говорящий, находясь в рамках публичного общения, исключает из круга общения большую часть своих соотечественников, не владеющих английским языком. В этом смысле номинация «Runglish» не является лингвистическим термином, поскольку явление не было достаточно изучено для того, чтобы образовалось понятие с определенным смысловым наполнением. В обыденной речи номинация «Runglish» служит индикатором того, что, с точки зрения адресата, адресант злоупотребляет англоязычными вкраплениями.

В лингвистической литературе подобные словоупотребления объясняются модой, престижностью иностранных вкраплений, а также ленью. Однако, исходя из того что «язык не терпит излишеств» и всякая избыточность, даже ничем, на первый взгляд, не обоснованная, всегда служит какой-то цели, можно предположить, что в случае с дублетной ксенолексикой последняя не воспроизводилась бы так последовательно на протяжении нескольких десятилетий, если бы не осуществляла ряд необходимых функций. В частности, анализ речевых дискурсов, содержащих дублетную ксенолексику, позволяет сделать вывод о том, что иностранные лексические единицы в русском языке могут осуществлять функцию увеличения социальной дистанции или, напротив, солидаризации, по параметру «свой/чужой». Дублетная ксенолексика выполняет креативную функцию, поскольку каждый раз, находясь в ситуации выбора, коммуникант делает творческий выбор в пользу той или иной единицы. Дальнейшее изучение функций дублетной ксенолексики представляется перспективным исследовательским направлением.

Слово «Runglish» также встречается в работах, в которых высказывается мнение о том, что воздействие английского языка на русский не

ограничивается лексическими влияниями, а распространяется на всю языковую систему. Сразу оговоримся, что случаи подобного воздействия сводятся буквально к нескольким фактам, таким как появление новых аффиксов, аналитических словообразовательных моделей и замене беспредложного управления предложным [Воробьева 2009; Бернацкая 2015], которые можно считать проявлением определенной тенденции развития языка. Представляется, что эти немногочисленные случаи не могут служить поводом для именования русского языка словом «Runglish».

Как видно из сказанного, понимая под Runglish в самом широком смысле смешение русского и английского языков, мы имеем дело с явлениями разных порядков: в одном случае, несмотря на присутствие большего или меньшего количества «ломаных» английских лексических единиц или русских единиц с иностранными аффиксами (реже могут быть использованы английские грамматические конструкции с русским лексическим наполнением), мы все-таки имеем дело с общением на русском языке. В другом случае коммуникация осуществляется на английском языке, подвергаясь в той или иной степени воздействию родного языка. В языковом плане чем ниже уровень владения иностранным языком, тем сильнее фонетическая, грамматическая и лексическая интерференция.

В теории языка имеется термин, который обозначает язык неносителя в совокупности его структурных и системных особенностей — ксенолект. Под ксенолектом понимается «неродной язык в структуре языковой личности, который характеризуется несвойственными нормативному варианту структурами, упрощенным словарем и развитым в недостаточной степени чувством данного языка» [Калиновская 2011: 5]. В зависимости от степени освоенности языка-цели выделяются три уровня:

- начальный уровень, который характеризуется определенной, но недостаточной освоенностью языка-цели;
- средний уровень, на котором система языка-цели достаточно освоена;
- пороговый уровень, на котором в достаточной степени освоены система и нормы языка-цели и происходит приобщение к узусу [Там же: 7].

Нарушения языковой нормы наблюдаются на всех языковых уровнях. На фонетическом уровне нарушения связаны с различиями в английской и русской фонетических базах и детально описаны в учебниках по практической фонетике. На лексическом уровне выделяются формально-семантические с примыкающими к ним паронимическими и омонимическими ксенолектные употребления; стилистические, ассоциативно-семантические употребления, обусловленные когнитивно-семантическим сдвигом и аномалиями категоризации; ситуативные и лингвокультурологические отклонения от аутентичности [Там же]. Последние получили достаточно исчерпывающее описание в известной книге Линн Виссон [Виссон 2005]. Типичные отклонения в сфере синтаксиса и морфологии достаточно плодотворно исследуются Н. В. Щенниковой, при этом в качестве ис-

ходного используется термин «русский идиом английского языка» [Щеникова 2011, 2013, 2014].

С точки зрения лингводидактики специфические характеристики ксенолектов разного уровня или русского идиома английского языка называются фонетическими, лексическими, грамматическими трудностями, которые, как правило, служат причиной формирования соответствующих ошибок. Они выявляются, анализируются, а затем разрабатываются методики для их устранения. Следует ли рассматривать эти ошибки в качестве лингвистически и национально-специфических характеристик носителя русского языка, говорящего по-английски? Или, может быть, они являются поводом для пересмотра учебных материалов и собственных методов работы с тем, чтобы постараться минимизировать их количество?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, вкратце рассмотрим два варианта английского языка, функционирующих в Индии и Сингапуре, которые называются соответственно Hinglish и Singlish. Сравним их основные параметры, которые, возможно, позволят нам доказать обоснованность термина Runglish для наименования имеющихся отклонений от стандартного английского в речи носителей русского языка.

Функционирование индийского английского имеет длительную историю, уходящую корнями в колониальное прошлое Индии, и его начало связано с деятельностью Вест-Индской компании. В настоящий момент этот диалект представлен несколькими функциональными разновидностями, характеризующимися собственными орфографическими, фонетическими, грамматическими и фразеологическими отклонениями от стандартного британского варианта английского языка. Они обладают разной степенью нормативности и престижности [Курченкова 2014: 104—108]. Разновидности английского языка в Индии выполняют ряд функций, которые выходят за рамки официальной сферы общения. Многообразие языков местного населения Индии делает актуальным функционирование на ее территории английского языка как лингва франка, в силу чего английский язык, в той или иной разновидности, функционирует во всех социальных слоях общества. Именно в силу массовой распространенности в Индии английского языка в настоящий момент там происходит формирование собственных языковых норм, отличных от норм британского варианта английского языка: «...системные изменения в языке происходят под влиянием изменений в речи, когда последние принимают массовый и долговременный характер» [Сковородников 2013: 213].

Сингапурский английский также является одним из вариантов с признанным в академических кругах статусом: «...it is formally recognized as an autonomous, distinct language variety worthy of a name that is more than just a description» [Wong 2014: 6] («...он имеет официальное признание в качестве независимого, отличного от других языкового варианта, который имеет право на собственное имя, а не просто описания»). Статус лингва франка (три официальных языка представляют основные этнические группы), так же как и в Индии, позволил сингапурскому английскому проникнуть во все сферы общественной жизни, об-

служивая все слои населения: 3/4 жителей Сингапура пишут по-английски. Сингапурский английский имеет несколько вариантов. Быстрое формирование разновидностей сингапурского варианта английского языка с закреплением собственных норм, связанных с культурно-языковой интерференцией родных для сингапурцев языков, привело к созданию поддерживаемого правительством страны движения «Speak Good English», призванного способствовать распространению и закреплению норм британского английского. Основным доводом в поддержку «правильного английского» является необходимость взаимного понимания (*mutual intelligibility*) [Там же: 12], а также высокий престиж стандартного английского языка. С последним связано как финансовое благополучие страны, не имеющей собственных природных ресурсов и рассчитывающей только на человеческие, так и личное благосостояние каждого, поскольку владение английским позволяет строить успешную карьеру.

Даже без детального сравнения вариантов Hinglish и Singlish с претендующим на статус разновидности английского Runglish'ем очевидно, что Runglish не имеет социальной базы для того, чтобы встать в один ряд с данными феноменами. Будучи разновидностью английского, сформировавшейся в школе, он, по сути, там и остался. Мы можем наблюдать и анализировать индийскую речь, которая существует в условиях искусственного педагогического дискурса. Практически нет ситуаций, вызывающих потребность у носителей русского языка общаться с кем-либо на английском языке. Зоны двуязычия в современной России по-прежнему представляют собой чрезвычайно редкое явление, причем каждая может обладать собственной лингвистической спецификой. Другой характерной причиной развития диалектов Hinglish и Singlish, кроме их массовости и разнообразия выполняемых функций, является отмечаемый практически всеми исследователями низкий уровень преподавания. Многие языковые ошибки, позднее ставшие специфическими чертами диалектов, связаны со слабой языковой и методической подготовкой учителей английского языка. Ситуация в России, с общедоступностью среднего образования, введением новых ФГОС, которые существенно повышают роль иностранного языка в школе, наличием мощной отечественной теоретической методической базы, традиционным интересом к иностранным языкам со стороны населения [см., напр.: Тер-Минасова 2014], не позволяет рассматривать Runglish в качестве одного из вариантов глобального английского. Главным образом из-за того, что за этим просматривается поощрение к фоссилизации ксенолекта вместо движения в сторону его развития и совершенствования. Возвращаясь к используемому нами в качестве варианта для сравнения индийскому диалекту английского языка, на котором внутри страны говорят по крайней мере 125 миллионов человек, а в течение этого десятилетия эта цифра предположительно может увеличиться в четыре раза, отметим, что такие высказывания, как «Head is paining» (a headache) и «Mother serious» (Mother is very ill) рассматриваются в разговорном варианте индийского ан-

лийского в качестве нормы [Masani 2012]. Вряд ли нам следует стремиться к подобным образцам и фиксировать их в качестве нормы.

Ограниченность сфер функционирования и недостаточно репрезентативный корпус материала для изучения специфики того, что со временем может быть очерчено и осмыслено в качестве разновидности английского языка Runglish, не позволяют нам в настоящий момент «считать русифицированный английский («русский английский») не отклонением от нормы, а культурно специфичным вариантом глобального английского» [Алешинская, Гриценко 2014: 192].

Подводя итоги, отметим, что неологизм Runglish (рунглийский) и его варианты имеют право на существование в языке и, как любые факты речевого творчества, могут рассматриваться с точки зрения их вклада в русский язык по таким параметрам, как, например, «новизна, неожиданность, оригинальность, полезность, целесообразность, выразительность, запоминаемость, благозвучие, легкость для воспроизведения и некоторые другие» [Копнина 2013: 114]. Однако мы не обладаем достаточной эмпирической базой, позволяющей сделать необходимые теоретические обобщения для включения этих номинаций в понятийный аппарат лингвистики по аналогии с существующими терминами для многих World Englishes.

Что касается ответов на вопросы журналистов одного российского министра («World cup is Russian? No problem... It's a very good temp, open new stadium, no problem. Criminality? No criminality. Russian bidding is open and no problem. ...Tomorrow this meeting будет euro association, может, будет nationalization, recommendation, euro» [Мутко поразил западных журналистов английским...]), с которых мы начали нашу статью, то на вопрос о языке, на котором говорит интервьюируемый, можно дать следующий ответ: это не рунглийский и не Runglish, это английский, над которым необходимо еще очень много работать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешинская Е. В., Гриценко Е. С. Английский язык как средство конструирования глобальной и локальной идентичности в российской популярной музыке // Вестн. ННГУ. 2014. № 6. С. 189—193.
2. Балакина Ю. В., Висилицкая Е. М. Англоязычные заимствования экономической тематики в вербальном лексиконе русской языковой личности в период глобализации // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2014. № 2. С. 29—34.
3. Бернацкая А. А. Об одном проявлении тренда к анализу в современном русском языке // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. С. 14—22.
4. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. Изд. 3-е, стер. — М.: Р. Валент, 2005.
5. Власенко С. В. Массовая «колонизация» англицизмами языкового сознания русскоговорящих как проблема когнитивной фильтрации // Вопросы психолингвистики. 2007. № 6. С. 81—89.
6. Воробьева С. В. Грамматическая ассимиляция новейших англицизмов в русском языке // Вестн. Мин. гос. лингвист. ун-та. 2009. № 5. С. 178—186.
7. Калиновская Е. А. Ксенолект как лингвокогнитивный феномен: лексическое измерение: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ставрополь, 2011.
8. Кирилина А. В. Глобализация и судьбы языков // Вопросы психолингвистики. 2013. № 17. С. 136—141.

9. Копнина Г. А. Лингвоэкологическая оценка фактов речевого творчества // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. С. 108—116.
10. Курченкова Е. А. Функциональные разновидности индийского английского языка // Изв. ВГПУ. 2014. № 10 (95). С. 104—108.
11. Макаров М. Заноза не в английском // Вопросы психолингвистики. 2013. № 17. С. 151—152.
12. Мутко поразил западных журналистов английским... URL: <https://youtu.be/VWnadrDc1iw> (дата обращения: 10.06.2015).
13. Сиротинина О. Б. Речевая среда // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А. П. Сковородникова. 2011. Т. 12 (20). С. 167—168.
14. Сковородников А. П. О предмете эколлингвистики применительно к состоянию современного русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 194—222.
15. Тер-Минасова С. Г. Преподавание иностранных языков в современной России. Что впереди? // Вестн. Моск. ун-та. 2014. № 2. С. 31—41.
16. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2(40). С. 53—59.
17. Шенаева О. В. Рунглиш в языковой среде современной России // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 7. С. 53—55.
18. Щенникова Н. В. Грамматический идиотизм русского идиома английского языка // Изв. ПГПУ. 2011. № 23. С. 299—305.
19. Щенникова Н. В. Специфика построения некоторых словосочетаний на русском идиоме английского языка // Изв. ВГПУ. 2013. № 4 (79).
20. Щенникова Н. В. Специфика английской речи носителей русского языка: когнитивный аспект // Вестн. БФУ им. И. Канта. 2014. № 2. С. 107—116.
21. Цитова О. Г. Новейшая ксенолексика в русской речи XXI века: к определению объема понятия // Вестн. науки Сибири. 2012. № 1 (2). С. 278—286.
22. Being an Expat: Speaking Runglish // A Girl & Her Travels. URL: <http://agirlandhertravels.com/2013/11/speaking-runglish> (date of access: 18.06.2015).
23. Crystal D. English as a Global Language: 2nd Edition. — Cambridge, UK: Cambridge Univ. Pr., 2003.
24. Feuer A. For the Thirsty Runglish Speaker: Try an Ized Cyawfeh // The New York Times. 2005. 14 Jun. URL: <http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9E01E3DD133EF937A25755C0A9639C8B63> (date of access: 20.06.2015).
25. Fiedler S. English as lingua franca — a native- culture-free code? Language of communication vs. language of identification // Apples: Journ. of Applied Language Studies. 2011. № 3. С. 79—97.
26. Kachru B. B. The Other Tongue: English across Cultures. 2nd ed. — Illinois: Urbana, 1992.
27. Masani Z. English or Hinglish — which will India choose? // BBC News. 2012. 27 Nov. URL: <http://www.bbc.com/news/magazine-20500312> (date of access: 18.06.2015).
28. Muto porazil zapadnykh zhurnalistov angliyskim... URL: <https://youtu.be/VWnadrDc1iw>.
29. Napoli D. J. Lee-Schoenfeld V. Language Matters: A Guide to Everyday Questions About Language. — Oxford: Oxford Univ. Pr., 2010.
30. On Runglish. URL: <http://arctic.elay.org/index.php?option=viewlog&logid=45> (date of access: 17.06.2015).
31. Sridhar S. N. Non-Native English Literatures / Kachru B. (ed.) // The Other Tongue: English Across Cultures. 1992. P. 291—306.
32. Teeter M. H. Can you wrangle with Runglish? // The Moscow News. 2013. № 35. URL: http://themoscownews.com/extreme_english/20130911/191914522/Can-you-wrangle-with-Runglish.html (date of access: 17.06.2015).
33. Wong J. O. The Culture of Singapore English. — UK: Cambridge Univ. Pr., 2014.

E. N. Merkulova
Nizhny Novgorod, Russia

«AY SPIK FROM MAY KHART», OR DOES RUNGLISH REALLY EXIST?

ABSTRACT. *The article considers the possibility to postulate the existence of such a phenomenon as “Russian English”, which is understood as a result of interaction of global English with Russian. On the one hand, this influence is viewed upon as a multiple impact of English on Russian, which is manifested in appearance of a large number of English xeno-doublets in the speech of native speakers of Russian and in certain changes in Russian morphology and syntax; on the other hand, we observe interference of Russian and English, in the result of which there appears a culturally specific variant of global English acquired by the speakers of Russian in the conditions of specially created pedagogical discourse. The article analyzes the meaning of the neologism “Runglish” and regards the possibility of its inclusion into the notional apparatus of linguistics and linguo-didactics.*

The appropriateness of placing “Russian English” alongside with other variants of English (World Englishes) is proved by comparing Runglish with such universally accepted variants of English as Singlish and Hinglish. The author defines the distinguishing features, which do not allow distinguishing Runglish as a new variant of English.

KEYWORDS: *Runglish; xenolect; Russian idiom of the English language; global English; dialect.*

ABOUT THE AUTHOR: *Merkulova Edita Nikolaevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia.*

REFERENCES

1. Aleshinskaya E. V., Gritsenko E. S. Angliyskiy yazyk kak sredstvo konstruirovaniya global'noy i lokal'noy identichnosti v rossiyskoy populyarnoy muzyke // Vestn. NNGU. 2014. № 6. S. 189—193.
2. Balakina Yu. V., Visilitskaya E. M. Angloyazychnye zaimstvovaniya ekonomicheskoy tematiki v verbal'nom leksikone russkoy yazykovoy lichnosti v period globalizatsii // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser. «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya». 2014. № 2. S. 29—34.
3. Bernatskaya A. A. Ob odnom proyavlenii trenda k analitizmu v sovremenном russkom yazyke // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2015. S. 14—22.
4. Visson L. Russkie problemy v angliyskoy rechi. Slova i frazy v kontekste dvukh kul'tur. Izd. 3-e, ster. — M.: R. Valent, 2005.
5. Vlasenko S. V. Massovaya «kolonizatsiya» anglitsizmami yazykovogo soznaniya russkogovoryashchikh kak problema kognitivnoy fil'tratsii // Voprosy psikholingvistiki. 2007. № 6. S. 81—89.
6. Vorob'eva S. V. Grammaticheskaya assimilatsiya noveyshikh angli-tizmov v russkom yazyke // Vestn. Min. gos. lingvist. un-ta. 2009. № 5. S. 178—186.
7. Kalinovskaya E. A. Ksenolekt kak lingvokognitivnyy fenomen: leksicheskoe izmerenie : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Stavropol', 2011.
8. Kirilina A. V. Globalizatsiya i sud'by yazykov // Voprosy psikholingvistiki. 2013. № 17. S. 136—141.
9. Kopnina G. A. Lingvoekologicheskaya otsenka faktov rechevogo tvorchestva // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2013. S. 108—116.
10. Kurchenkova E. A. Funktsional'nye raznovidnosti indiy-skogo angliyskogo yazyka // Izv. VGPU. 2014. № 10 (95). S. 104—108.
11. Makarov M. Zanoza ne v angliyskom // Voprosy psikholingvistiki. 2013. № 17. S. 151—152.
12. Sirotnina O. B. Rechevaya sreda // Rechevoe obshchenie : spetsializirovanny vestnik / pod red. A. P. Skovorodnikova. 2011. T. 12 (20). S. 167—168.
13. Skovorodnikov A. P. O predmete ekolingvistiki primenitel'no k sostoyaniyu sovremenного russkogo yazyka // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2013. № 1. S. 194—222.
14. Ter-Minasova S. G. Prepodavanie inostrannykh yazykov v sovremenной Rossii. Chto vpered? // Vestn. Mosk. un-ta. 2014. № 2. S. 31—41.
15. Chudinov A. P. Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 2(40). S. 53—59.
16. Shenaeva O. V. Runglish v yazykovoy srede sovremenной Rossii // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. 2013. № 7. S. 53—55.
17. Shchennikova N. V. Grammaticheskiy idioetnizm russkogo idioma angliyskogo yazyka // Izv. PGPU. 2011. № 23. S. 299—305.
18. Shchennikova N. V. Spetsifika postroeniya nekotorykh slovosochetaniy na russkom idiome angliyskogo yazyka // Izv. VGPU. 2013. № 4 (79).
19. Shchennikova N. V. Spetsifika angliyskoy rechi nositeley rus-skogo yazyka: kognitivnyy aspekt // Vestn. BFU im. I. Kanta. 2014. № 2. S. 107—116.
20. Shchitova O. G. Noveyshaya ksenoleksika v russkoy rechi XXI veka: k opredeleniyu ob'ema ponyatiya // Vestn. nauki Sibiri. 2012. № 1 (2). S. 278—286.
21. Being an Expat: Speaking Runglish // A Girl & Her Travels. URL: <http://agirlandhertravels.com/2013/11/speaking-runglish> (date of access: 18.06.2015).
22. Crystal D. English as a Global Language: 2nd Edition. — Cambridge, UK : Cambridge Univ. Pr., 2003.
23. Feuer A. For the Thirsty Runglish Speaker: Try an Ized Cyawfeh // The New York Times. 2005. 14 Jun. URL: <http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9E01E3DD133EF937A25755C0A9639C8B63> (date of access: 20.06.2015).
24. Fiedler S. English as lingua franca — a native- culture-free code? Language of communication vs. language of identification // Apples : Journ. of Applied Language Studies. 2011. № 3. C. 79—97.
25. Kachru B. B. The Other Tongue: English across Cultures. 2nd ed. — Illinois : Urbana, 1992.
26. Masani Z. English or Hinglish — which will India choose? // BBC News. 2012. 27 Nov. URL: <http://www.bbc.com/news/magazine-20500312> (date of access: 18.06.2015).
27. Napoli D. J. Lee-Schoenfeld V. Language Matters: A Guide to Everyday Questions About Language. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2010.
28. On Runglish. URL: <http://arctic.elay.org/index.php?option=viewlog&logid=45> (date of access: 17.06.2015).
29. Sridhar S. N. Non-Native English Literatures / Kachru B. (ed.) // The Other Tongue: English Across Cultures. 1992. P. 291—306.
30. Teeter M. H. Can you wrangle with Runglish? // The Moscow News. 2013. № 35. URL: http://themoscownews.com/extreme_english/20130911/191914522/Can-you-wrangle-with-Runglish.html (date of access: 17.06.2015).
31. Wong J. O. The Culture of Singapore English. — UK : Cambridge Univ. Pr., 2014.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. С. В. Постникова.